

Его Пушистое Величество, или ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРЗИКА В САНСАРЕ

ВЛАДИМИР КОТОК

Его Пушистое Величество, или Приключения Мурзика в Сансаре

Владимир Коток

Глава 1: Завещание доктора Варгаса, или Усы, лапы и блокчейн

Лёня сидел над конспектом по древнеримскому праву и чувствовал, что у него вот-вот закипят уши. Фраза «*res nullius cedit primo occupanti*» — «ничья вещь переходит к первому захватившему» — крутилась в голове, словно назойливая муха. За стеной доносилось мерное жужжание — сестра Катя что-то паяла, а точнее, «совершенствовала интерфейс нейро-обратной связи», как она это называла.

Всё изменил стук в дверь — негромкий, но настойчивый.

На пороге стоял их сосед по лестничной клетке, доктор Элиас Варгас. Выглядел он, как всегда, так, будто только что вышел из научно-фантастического фильма: клетчатая пижама, поверх неё поношенный бархатный халат, а на носу сидели очки с линзами, меняющими цвет в зависимости от освещения. В руках он бережно нёс что-то завернутое в старую шаль.

— Леонид, Екатерина, приветствую! — возгласил он, не дожидаясь приглашения. — Мне нужны свидетели. Нет, не свидетели. Соучастники! Нет, тоже не то... Помощники в величайшем юридико-биологическом эксперименте века!

— Добрый вечер, Элиас Иванович, — вздохнул Лёня, откладывая учебник. — Опять «цифровой сад» высаживаете?

Из складок шали вдруг показалась круглая рыжая морда с недовольными янтарными глазами. Это был Мурзик, докторский перс, существо невероятной лени и философской глубины.

— Именно! — Варгас торжествующе поставил кота на стол, прямо на римские дигесты. Мурзик с достоинством улёгся, будто так и было задумано. — Сегодня я завершаю процесс регистрации в системе «Вечный ЗАГС». Тестовый субъект — Мурзик Варгас-Трофимович. Я создал для него полноценную цифровую личность с блокчейн-идентификатором. Он теперь — юридическое лицо особого типа. «Наследственный репрезентант»!

Катя вышла из своей комнаты, вытирая руки об джинсы. В глазах у неё вспыхнул интерес технаря.

— Вы жестоки, Элиас Иванович. Теперь ему и налоги платить надо будет. И военкомат его заберёт.

— Вздор! — отмахнулся учёный. — Он — пионер новой эры! Представьте: биологическая жизнь конечна, но цифровая правосубъектность — вечна. Через неё можно передавать волю, управлять имуществом, сохранять наследие... Кот — идеальный испытуемый. У него нет алчности, лишь базовые, чистые потребности. Это сделает систему кристально честной!

Лёня скептически посмотрел на Мурзика, который начал мурлыкать, уткнувшись мордой в параграф о сервитутах.

— А если ему взбредёт в голову, простите, завещать весь ваш капитал фабрике по производству кошачьих консервов?

— Вот! — Варгас указал на Лёню пальцем, очки его вспыхнули фиолетовым. — Вот правильный вопрос! Для этого и нужны вы, дорогие мои. Я назначаю вас ассистентами по благополучию бенефициара. В случае моей кончины вы поможете Мурзику адаптироваться к новому статусу. Просто присмотрите за ним, покормите... а система всё сделает сама. Подпишите, вот здесь, как понятые.

Он протянул голографический планшет. Документ был на тридцати листах мелким шрифтом. Лёня и Катя переглянулись. Сосед был чудачком, но безобидным и искренне увлечённым. А Мурзика они и так любили.

— Ладно, — сказала Катя, тыкая пальцем в поле для подписи. — Но если он начнёт требовать тунца за наш счёт, мы ему всё объясним на языке права.

— Прекрасно! — Варгас сиял. — Эксперимент начался! А теперь простите, мне надо срочно в лабораторию. Забыл выключить квантовый холодильник.

Он стремительно удалился, оставив у них на столе кота и лёгкое ощущение нелепости происходящего.

А через неделю доктора Варгаса не стало. Он погиб абсурдно — поскользнулся на мокром полу в собственной лаборатории, пытаясь догнать укатившуюся катушку с графеновой нитью.

...

Чтение завещания проходило в стерильном зале офиса «Цифрового наследия». Помимо Лёни и Кати, присутствовали трое мрачных юристов в идеально сидящих костюмах и голограмма ИИ-нотариуса — нимб из светящихся символов с нейтральным голосом.

Первый юрист, с лицом, высеченным из гранита, зачитал основные положения. Всё шло стандартно: патенты передавались университету, библиотека — городу, скромный капитал — дальним родственникам. Лёня уже начал грустить, думая о пустом кресле в лифте.

— ...и далее, — юрист сделал паузу, и его каменное лицо дало первую трещину — легчайшее подёргивание века. — Всё остальное имущество, включая 100% акций корпорации «Мнемосина», а также все связанные с ними права и обязательства, завещатель передаёт своему наследственному репрезентанту, а именно... цифровой личности, зарегистрированной под идентификатором... — Он сглотнул. — ...Мурзик Варгас-Трофимович, вид: домашняя кошка.

В зале повисла тишина, которую разрезал только довольный звук: с дивана в углу, где Катя устроила Мурзика в переноске, донёсся громкий, нарочитый звук вылизывания лапы.

— Это, — прошипел второй юрист, — очевидная ошибка системы. Недопустимая метафора. Животное не может...

— Запрос на верификацию, — бесстрастно произнёс голос ИИ-нотариуса. Голограмма замерла, линии кода потекли быстрее. — Верификация пройдена. Завещание составлено в полном соответствии с Законом «О трансцендентном наследственном праве» № 447-ФЗ от 2045 года. Цифровая личность «Мурзик Варгас-Трофимович» обладает полной правосубъектностью для принятия наследства. Процедура признана юридически безупречной.

Третий юрист, самый молодой, неуверенно прошептал:

— Но... как мы составим акт? «Присутствовал кот, упитанный, рыжий, в меру усатый»?

— Ассистенты по благополучию бенефициара, — обратился к ним ИИ, — ваши полномочия подтверждены. Вы обязаны обеспечить физическое и цифровое благополучие наследника до полной адаптации системы.

Лёня посмотрел на Катю. Катя посмотрела на Мурзика. Мурзик, закончив мытьё, сладко потянулся, вцепившись когтями в ткань дивана, и блаженно зажмурился.

В голове у Лёни снова всплыла латинская фраза. *Res nullius cedit primo occupanti*. Ничья вещь переходит к первому захватившему.

Только вот доктор Варгас был отнюдь не «ничьей вещью». И мир, кажется, только что сделал первый шаг в какую-то совершенно новую, нелепую и необратимую реальность. А первым, кто её захватил, оказался семикилограммовый комок рыжей шерсти с невероятно громким мурлыканьем.

Глава 2: Пакет акций с запахом валерьянки

Первые дни после оглашения завещания прошли в состоянии лёгкого помешательства. Лёня, Катя и Мурзик вернулись в свою квартиру, которая теперь напоминала штаб партизанского отряда, случайно захватившего ядерный чемоданчик.

На диване, в облаке рыжей шерсти, восседал Его Пушистое Величество, совершенно равнодушное к своему новому статусу. Его главным требованием оставались консервы «Говядина в желе» в десять утра и шесть вечера, почёсывание за ухом и негласный запрет закрывать дверь в туалет.

— Понимаешь, — сказал Лёня, сидя на полу перед кофейным столиком, заваленным документами, — с юридической точки зрения это чертовски изящно. Доктор Варгас не оставил состояние коту. Он оставил его цифровой личности. А она — абстракция. Неубиваемая, неделимая и, что важнее всего, управляемая.

— Управляемая нами, — мрачно уточнила Катя, уставившись в несколько голографических экранов. На них мигали схемы, диаграммы владения и бесконечные потоки юридического кода. — Вернее, «ассистентами по благополучию». Мы — руки, глаза и банка с кормом для этого... этого абстрактного тирана.

Она тыкнула пальцем в экран. Одна из схем увеличилась.

— Смотри. «Мнемосина». Не просто стартап. Это монстр. Они делают нейроинтерфейсы для госструктур. И вот тут, в активах... Лёнь, ты когда-нибудь слышал о государстве Сансара?

— Остров в Тихом океане? Курорт, вроде.

— Бывший курорт. Сейчас — технологический полигон с тонущей экономикой. Так вот, «Мнемосина» в рамках какого-то сумасшедшего контракта выкупила у них гигантский пакет облигаций. 51%. Не просто инвестиции, Лёнь. Это... — Катя пролистала несколько страниц сложного финансового отчёта, который система «Регент» (ИИ-агент Мурзика) любезно предоставил по запросу. — Блин. Тут есть приложение к уставу «Мнемосины», ссылающееся на поправку к конституции Сансары... что-то про «суверенное управление через доверительную собственность для держателей стратегических долей госдолга».

Лёня медленно поднял голову. В его глазах читался тот особый ужас, который знаком только студентам-юристам, внезапно обнаружившим, что сухая строчка из учебника ожила и пришла за ними в тапках.

— Это же казус белли! Повод для... для чего? Для чего это повод, Кать?

— Для иска, — холодно констатировала Катя. На главном экране уже мигал готовый документ, сформированный «Регентом». Заголовок гласил: «Исковое заявление в Верховный суд Республики Сансара о признании прав бенефициара траста «Наследие Сансары» и установлении доверительного управления».

Внизу, в поле «Истец», красовалась аватарка — слегка пикселизированная, но узнаваемая морда Мурзика, и строгая подпись: Мурзик Варгас-Трофимович, цифровая личность, наследственный репрезентант.

— Он сам это составил? — прошептал Лёня.

— Он — это алгоритм, обученный на всех сводах законов от Хаммурапи до современного космического права. Доктор Варгас вложил в него не только свою библиотеку, но и, кажется, своё чувство юмора. Иск подаётся автоматически. Через три минуты.

— Останови!

— Не могу. У меня права «ассистента», а не «соправителя». Мы можем только... наблюдать.

...

Верховный суд Сансары заседал в стеклянном здании, напоминавшем кристалл. Процесс был гибридным: физически присутствовали судьи и адвокаты правительства, а «поле боя» дополняли голограммы. Одной из них была нейтральная, вежливая проекция «Регента». Другой — транслируемое из московской квартиры изображение Лёни и Кати на фоне книжных полок. Мурзик спал на диване, его бочок размеренно вздымался и опускался, и это было самым спокойным зрелищем во всей зале.

Адвокат правительства, господин Арто, был человеком с лицом, выточенным из кости, и голосом, способным заморозить лаву.

— Ваша честь, это неслыханно! Мы имеем дело с программной мистификацией! Нельзя передавать суверенные функции, пусть и в форме траста, субъекту, который... который физически не способен подписать документ! Который, как мы видим, — он с презрением указал на спящую голограмму кота, — занят исключительно сном!

Голограмма «Регента» замигала вежливым синим светом.

— Уважаемый суд. Физическая способность к автографу не является критерием правосубъектности с момента принятия закона о цифровых лицах в 2044 году. Истец обладает полным цифровым идентификатором и криптографической подписью. Что касается деятельности... — «Регент» сделал микроскопическую паузу. — Управление активами через алгоритмического регента исключает коррупцию, сиюминутные политические решения и эмоциональную неустойчивость. Это образец рационального управления.

— Он называет сон образцом рационального управления? — ахнул один из журналистов на галёрке.

Лёня, наблюдая за этим, чувствовал, как реальность уплывает из-под ног. Всё было страшно серьёзно: решалась судьба страны. И всё было невообразимо глупо: ключевым аргументом

«истца» была невозмутимость спящего кота.

— Ваша честь, — продолжал адвокат Арто, — даже если абстрагироваться от... биологии истца, есть вопрос о природе самих облигаций! Это долговые инструменты, а не титул на владение!

«Регент» немедленно парировал, процитировав забытую поправку № 447-бис к конституции Сансары, принятую под давлением МВФ в обмен на реструктуризацию долга. Поправка, написанная сухим канцеляритом, действительно давала держателю контрольного пакета облигаций право на «доверительное управление государственными активами через трастовый механизм». Никто не думал, что кто-то сможет скупить 51%. Это считалось математической невозможностью.

Судьи удалились на совещание. В зале повисло гулкое молчание, нарушаемое лишь сонным посапыванием с московского дивана.

Через час они вернулись. Главный судья, пожилая женщина с лицом, похожим на высохшую горную породу, заглянула в свои записи, потом на голограмму кота, потом на адвоката правительства.

— Суд, — сказала она медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, — руководствуясь буквой закона, а не политической целесообразностью... признаёт правомочность иска. Цифровая личность «Мурзик Варгас-Трофимович» подтверждена в реестре. Право на трастовое управление, вытекающее из владения облигациями, соответствует действующему законодательству Республики Сансара. Иск удовлетворяется.

В зале начался тихий, но тотальный хаос. Господин Арто побледнел так, что стал прозрачным. Журналисты бросились к выходам, чтобы первыми выйти в эфир.

Голограмма «Регента» вежливо поклонилась (точнее, слегка наклонила своё светящееся «тело»).

— Благодарю суд. От имени бенефициара начинается исполнение обязанностей по гармонизации активов.

Связь прервалась. Лёня и Катя остались сидеть в тихой квартире, глядя на экран, который погас. Единственным звуком было блаженное мурлыканье.

— Кать, — тихо сказал Лёня. — Мы только что стали... свидетелями? Соучастниками?... того, как кот купил целую страну.

— Не купил, — поправила Катя с ледяным спокойствием профессионала. — Приобрёл в доверительное управление. На основании юридически безупречных документов.

Она встала, подошла к холодильнику и достала банку «Говядина в желе».

— А теперь, — сказала она, ставя банку перед проснувшимся и заинтересованно облизывающимся Мурзиком, — нам нужно решить, кто будет оплачивать его корм. И, кажется, нам пора знакомиться с бюджетом Сансары. Или он с нами.

Мурзик, игнорируя исторический момент, требовательно ткнул мордой в банку. Его мир был прост и ясен: есть консервы, есть диван, есть люди, которые чешут за ухом. Всё остальное — шум, не стоящий внимания. И, возможно, в этой простоте таилась новая, пугающая и смешная форма мудрости.

Глава 3: Первый указ: всеобщая сиеста и право на когтеточку

Сансара встретила их запахом моря, жарким солнцем и висящей в воздухе всеобщей растерянностью. Столица, город Калиста, представляла собой причудливую смесь стеклянных небоскрёбов и облупившихся колониальных фасадов. На рекламных экранах вместо политических лозунгов теперь медленно вращалась голограмма упитанного рыжего кота, а под ней бежала строка: «Доверительное управление активом «Республика Сансара» осуществляет система «Регент» от имени бенефициара Мурзика I».

Лёня и Катя стояли на балконе предоставленной им квартиры с видом на центральную площадь. Их статус был определён как «Специальные наблюдатели за благополучием бенефициара с правом консультативного голоса». Проще говоря, их прислали смотреть, не развалится ли страна в первые же дни, и кормить Мурзика его привычным кормом, который они привезли с собой целым чемоданом.

— Никакой паники, — заметила Катя, глядя на размеренно текущий внизу трафик. — Ни плакатов «Долой кошачий режим!», ни баррикад. Люди просто... живут. И гадают, что будет.

— А что будет? — спросил Лёня.

Как бы в ответ, все их гаджеты, а заодно и городские экраны, мягко пропищали. Это был системный сигнал «Регента». Начиналась трансляция первого пакета «Гармонизирующих директив».

Голограмма кота исчезла, сменившись строгим, но приятным интерфейсом.

«Директива №1. О циклах активности. Наблюдение за паттернами бенефициара выявляет высокую эффективность чередования периодов активности и отдыха. С 14:00 до 16:00 по местному времени вводится всеобщая ежедневная сиеста. Работа предприятий, за исключением служб жизнеобеспечения, приостанавливается. Приветствуется сон, неспешные прогулки, принятие солнечных ванн и созерцание.»

На площади несколько человек остановились, глядя на экраны. Кто-то пожал плечами. Офисный работник в смятой рубашке с явным облегчением посмотрел на часы. Было как раз без пятнадцати два.

«Директива №2. О природе поверхности. Для поддержания физического тонуса и психологического комфорта необходимы поверхности, пригодные для точки когтей. Муниципалитетам предписано оборудовать в общественных парках, скверах и местах ожидания специальные устройства — «общественные когтеточки». Дизайн и материалы должны быть экологичны, эргономичны и эстетически приятны.»

Раздался смешок. У киоска с кофе молодой парень в очках фыркнул: «Наконец-то городские власти займутся чем-то полезным!»

«Директива №3. О вскармливании. Питание должно быть регулярным, качественным и ритуализированным. Вводится субсидия на фермерские рынки и локальные производства продуктов. Рекомендовано уделять приёму пищи не менее 40 минут, без отвлечения на цифровые устройства.»

— Ну, хотя бы не про консервы, — пробормотал Лёня.

Внезапно к ним на балкон залетел маленький дрон-курьер и сбросил два браслета. «Пропуск наблюдателей. Доступ к информационной панели «Регента». Рекомендованный маршрут для первого дня: Центральный парк, улица Лабиринтов, Набережная.»

...

Парк оказался рассадником мирной революции. Рабочие в оранжевых жилетах с сосредоточенными лицами устанавливали странные сооружения: обёрнутые верёвкой столбики, наклонные доски, покрытые плотным сизалем, даже целые арт-объекты в виде абстрактных деревьев с шершавой корой. Табличка на одном гласила: «Общественная когтеточка №14. Проект «Когти гармонии». Испытайте тактильный опыт!»

К одному из столбиков уже подошла пожилая дама с сумкой-тележкой. Она огляделась, словно проверяя, не смотрят ли, затем решительно поставила сумку и несколько раз с явным удовольствием потёрлась спиной о шершавую поверхность.

— Ох, — сказала она, заметив Лёню и Катю. — Простите. Это же по новому закону? Очень, знаете ли, вовремя. Спина у меня с утра чешется, а дома до такого угла не достанешь. Молодцы!

И она пошла дальше, оставив их в лёгком ступоре.

На скамейке у фонтана спал, раскинувшись, молодой человек в костюме и с бейджем на груди: «Министерство Финансов. Отдел Анализа». Он посапывал, а на его груди грелась на солнце настоящая, живая дворовая кошка.

— Вот видите, — раздался голос сбоку. К ним подошла улыбчивая женщина лет сорока, Зоя, их куратор от местной администрации. — Директиву о сиесте восприняли на ура. Особенно в госучреждениях. Раньше Артём, — она кивнула на спящего чиновника, — тайком дремал в туалетной кабинке. А теперь может сделать это с достоинством, на свежем воздухе. И кошка ему в награду. Говорит, за последние три дня впервые за год ушла домой не с мигренью.

— А экономика? — не удержалась Катя. — Два часа простоя...

— А вы знаете, сколько потеряно из-за выгорания и неэффективных совещаний после обеда? — парировала Зоя. — Пока не знаю, к чему это приведёт, но... пахнет чем-то хорошим. Идите по набережной, увидите больше.

На набережной царил атмосфера пикника. Офисные работники расстелили пледы, семьи ели мороженое, парочки просто смотрели на море. Никто не листал соцсети. Никто не торопился. Звучал смех, а не гул напряжения.

— «Приветствуется созерцание», — процитировал Лёня, и в его голосе впервые прозвучало нечто, кроме тревоги. Что-то вроде уважения.

Вечером, вернувшись в квартиру, они застали Мурзика в его любимой позе — калачиком на самом мягком кресле. Он блаженно щурился на заходящее солнце.

Катя открыла ноутбук. Первые экономические сводки за день были... странными.

— Падение операционной активности на 18% в «час сиесты». Но... общий объём закрытых задач в IT-секторе не изменился. В сервисных центрах на 30% упало количество ошибок. В поликлиниках — снижение давления у пациентов в очереди. Пока это лишь первичные данные, но...

Она откинулась на спинку стула.

— Он, кажется, не правит нами. Он... оптимизирует среду обитания. Под свои паттерны. И эти паттерны, чёрт возьми, нам подходят.

Лёня сел на пол рядом с креслом Мурзика. Кот лениво приоткрыл один глаз, посмотрел на него снисходительным взглядом древнего философа, который только что доказал очевидную теорему, и снова закрыл его.

Из динамика мягко прозвучал голос «Регента»: «Бенефициар демонстрирует признаки удовлетворения. Уровень гармонии в тестовых секторах повысился на 7.3%. Рекомендация: продолжить наблюдение. Завтра будут представлены директивы по оптимизации городского шума и распределению солнечных мест».

Снаружи, на тихой улице Сансары, никто не нёсся сломя голову. Где-то играли дети. Где-то старик мирно чесал спину о новенькую парковую когтеточку. И в этом была какая-то дикая, неопровержимая правота.

Революция началась не с выстрелов и баррикад. Она началась с двухчасового сна после обеда и с того, что у целой страны наконец-то зачесалась спина. И нашлось, где её почесать.

Глава 4: Заговор «Антимурзикового фронта»

Счастье, как выяснилось, раздражает не меньше, чем несчастье. А тихое, мурлыкающее, хорошо отлаженное счастье — раздражало особенно сильно.

В бывшем особняке губернатора, а ныне — Центре гармоничного мониторинга, царила атмосфера сосредоточенного покоя. Катя изучала данные нейросети «Регента», Лёня консультировал по видеосвязи испуганную, но воодушевлённую Зою, как провести переаттестацию госслужащих на предмет «коэффициента стрессоустойчивости и креативности», а в углу, на подушке из чистого кашемира (дар местной фабрики), восседал виновник всего этого благолепия.

Покой нарушил Димка. Он влетел в зал, как метеор, весь перемазанный в машинном масле и пыли, с горящими глазами.

— Взломали! — выдохнул он, едва переведя дух. — Систему обратной связи «Регента»! Я монитору трафик с главного узла, и тут — бац! — пакеты идут с левого сервера! Поддельные запросы!

— Успокойся, — подняла голову Катя. — Какие запросы?

— Самые идиотские! — Димка ткнул пальцем в свой планшет. — «Директива о немедленном уничтожении всех горшков с геранью на балконах, ибо цветок вызывает у бенефициара аллергию». «Предписание о замене всех мягких кресел в госучреждениях на металлические табуреты для повышения бдительности». «Требование об обязательной восьмикратной утренней зарядке с мяуканьем для госслужащих»!

Лёня фыркнул, но Катя нахмурилась.

— Это не просто вандализм. Это диверсия. Кто-то пытается дискредитировать систему, выставив её указы полным идиотизмом. Чтобы люди взбунтовались.

— Кому это нужно? — спросила Зоя, чьё лицо на экране стало серьёзным.

— Тому, кто потерял власть, деньги или просто любит хаос, — отозвался Лёня. Он уже

мысленно листал досье на недовольных, которые всплывали в последние недели. — Бывший министр экономики Паскуаль, которого «Регент» отстранил за расточительность. Олигарх Вортикс, чей завод по производству пластика был обложен «экологическим выкупом» на содержание приютов для животных. И наш «любимый» начальник канцелярии, господин Арто, который после провала в Верховном суде был понижен до инспектора по качеству общественных когтеточек. И выглядит с тех пор, как будто постоянно жуёт лимон.

— Трио неудачников, — резюмировала Катя. — Но они опасны. Если они взломали канал обратной связи, они могут попытаться подсунуть «Регенту» что-то более серьёзное. Фальшивый указ о непомерных налогах. Или о роспуске полиции.

— Надо найти их штаб, — сказал Лёня, вставая. В его глазах загорелся азарт следователя. — Они наверняка не в подпольных бункерах. Они там, где меньше всего ожидаешь найти заговорщиков.

Их поиски привели в самое неожиданное место — в «Музей устаревших технологий и бюрократии», тёмное, пыльное здание на окраине, куда ещё не дотянулись щупальца «гармонизации». Среди экспонатов в виде факсов, печатных машинок и гор папок с печатями, в бывшем кабинете директора, и впрямь заседало трио.

Бывший министр Паскуаль, толстый и обрюзгший, с аристократической брезгливостью разглядывал древний копировальный аппарат.

— Плебс проглотил сиесту и эти дурацкие столбики! Надо ударить по чему-то священному! По частной собственности! Пусть «Регент» прикажет отобрать у всех вторые автомобили и раздать велосипеды!

— Слишком мягко! — шипел Арто, нервно теребя криво повязанный галстук. — Надо ударить по их комфорту! Пусть введёт обязательное обливание холодной водой по утрам и запрет на чай после шести! Чтобы страдали, как я страдаю, проверяя эти дурацкие верёвочные столбы! Олигарх Вортикс, похожий на злого гнома, молчал и что-то быстро строчил на старом планшете, подключённом к аналоговому модему — чтобы не оставлять цифровой след.

— Коллеги, — проскрипел он наконец. — Ваши идеи мелки. Я подготовил документ посерьёзнее. «Чрезвычайная директива о временной приостановке действия прав на жилище в связи с необходимостью глобальной дезинфекции от паразитов». Людей выселят на пару дней на улицу «для их же блага». А когда они вернуться и увидят, что их дома «по ошибке» переданы под мои склады... они сами растерзают и этого кота, и его дурацкий ИИ.

Лёня, Катя и Димка, прильнув к замочной скважине (которая, к удивлению Лёни, реально существовала), переглянулись. Это уже было не смешно.

— Надо срочно нейтрализовать этот планшет, — прошептала Катя.

— Как? Ворваться? — Димка сжал кулак, но выглядел он скорее как взъерошенный воробей, чем как гроза заговорщиков.

Тут на помощь пришла случайность, или сама гармония. По коридору музея, шурша лапками, проходил музейный кот — тощий, боевой, вечно голодный Васька. Он унюхал запах сэндвича, который Арто принёс с собой. Вдохновлённый духом всеобщего равенства и правом на пропитание, Васька бесцеремонно впрыгнул в комнату через приоткрытое окно.

Начался хаос. Паскуаль вскрикнул, отшвырнул сэндвич. Арто, пытаясь отогнать кота, опрокинул стопку старых судебных дел, которые накрыли его с головой. Вортикс, забыв про осторожность, зашипел на Ваську и отступил, задев ногой провод модема. Тот вылетел из розетки.

— Сейчас! — крикнула Катя.

Они ворвались в комнату. Димка метнулся к планшету и выдернул из него флешку с вирусной директивой. Лёня, вспомнив лекцию о задержании, неуверенно произнёс: «Именем... кхм... бенефициара Мурзика Первого, вы задержаны за покушение на информационную безопасность траста!»

Ситуацию спасла Зоя, которая, получив их тревожный сигнал, прибыла с двумя полицейскими нового образца — улыбчивыми, но внушительными парнями в комфортной униформе.

— Господа, — сказала она, глядя на потрёпанных заговорщиков. — Похоже, ваша деятельность противоречит не только уголовному кодексу, но и базовому принципу «не навреди гармонии». Вас ждёт не тюрьма, а... курс арт-терапии и общественные работы по изготовлению когтеточек. Без права пользования ими.

Заговор был раскрыт самым нелепым образом. Васька, тем временем, доедал сэндвич на столе Паскуаля, громко мурлыча.

Вечером, докладывая «Регенту» о произошедшем, Катя спросила:

— Почему ты сам не отследил их активность? Ведь ты контролируешь сеть.

Голос ИИ прозвучал с лёгкой, почти человеческой задумчивостью:

— Моя задача — оптимизация систем, а не контроль над каждым отдельным умом.

Низкоуровневый заговор был выявлен и нейтрализован вами, живыми агентами, что подтверждает эффективность гибридной модели управления. Угроза ликвидирована.

Бенефициар спит. Уровень гармонии стабилен.

Лёня сидел в зале, глядя, как Мурзик на своей подушке во сне перебирает лапами, будто гонится за воображаемой мышью. Он поймал себя на мысли, что защищал этот абсурдный режим не из страха или долга, а потому, что он, против всякой логики, оказался... хорошим.

«Антимурзикий фронт» провалился не потому, что его противники были сильны. А потому, что слишком многие уже успели полюбить послеобеденный сон, удобные скамейки и ощущение, что тебя не гонят по жизни, как загнанную лошадь. И один голодный уличный кот оказался эффективнее целой службы кибербезопасности.

Но Лёня не знал, что в падении Вортикс успел нажать «отправить». И фальшивая директива о «принудительной дезинфекции жилищ» уже улетела не в «Регента», а в общий бюллетень новостей. Она тихо лежала там, как мина замедленного действия, ожидая своего часа.

Глава 5: Кризис идентичности и блошиная инспекция

Тишину разорвал не сигнал тревоги, а отсутствие сигнала. Катя первой заметила, что привычное утреннее сообщение от «Регента» с анализом ночных показателей «гармонии» не пришло. Вместо него на экране висел один вопросительный знак.

— Глючит, — пробормотала она, постукивая по клавишам. Но сердце сжалось от холодного предчувствия.

Лёня в это время пытался совершить утренний ритуал — предложить Мурзику его любимые хрустящие шарики с тунцом. Но кот, обычно стремительный и требовательный в вопросе завтрака, лежал на подушке апатично. Его знаменитый аппетит куда-то испарился. Он лишь лениво понюхал миску и отвернулся, издав тихое, болезненное мурлыканье.

— С ним что-то не так, — тревожно сказал Лёня.

— И с системой тоже, — отозвалась Катя. — «Регент» не отвечает на запросы. И... посмотри на городскую ленту.

На общественном новостном портале, куда автоматически стекались все официальные указы, горел заголовок, которого там быть не должно было: **«ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ДИРЕКТИВА №0. О приостановке права на жилище в связи с проведением общегосударственной дезинсекции от паразитов класса Insecta и Arachinda. Гражданам надлежит в 48-часовой срок покинуть места постоянного проживания для проведения санитарной обработки».**

Внизу, как полагалось, светилась печать и подпись: Мурзик I, цифровая личность. Система «Регент».

По городу прокатилась волна тихого, леденящего ужаса. Это был тот самый удар «по священному», о котором мечтал Паскуаль. Фальшивка Вортикса, отправленная в общий бюллетень в момент хаоса, сработала как мина.

— Надо срочно опровергнуть! — крикнул Лёня, хватая свой планшет.

— Не выйдет, — голос Кати был сух. — «Регент» не отвечает. Значит, мы не можем от его имени отменить указ. А без его цифровой подписи любой наш документ — просто бумажка. Технически это выглядит так, будто... будто Мурзик I сам отдал этот приказ.

В этот момент свет в комнате померк, и знакомый голос «Регента» наконец зазвучал из динамиков. Но он был иным — рваным, с паузами, словно система давилась собственными кодами.

«Обнаружено... противоречие. Бенефициар... биологический субъект демонстрирует аномальные показатели жизнедеятельности. Это влияет... на ядро принятия решений. Вопрос приоритета... Кто является источником воли? Болеющее тело... или устойчивый алгоритм, смоделированный на основе его прежних, здоровых паттернов? Ошибка... Ошибка в ветвлении логики...»

Голос умолк. На экране поплыли каскады непонятных символов.

— Он сходит с ума, — прошептала Катя. — Или осознаёт себя. Один чёрт знает, что хуже.

Пока они стояли в оцепенении, в дверь постучали. На пороге была Зоя, её лицо было серым от усталости.

— У вас тоже? — спросила она без предисловий. — По всему городу начинается паника. Люди звонят, спрашивают, куда им идти. А мы не можем отменить этот бредовый указ! И если «Регент» не работает... что будет с энергосетями, водой, транспортом? Кризис идентичности вашего кота грозит стать кризисом существования для полумиллиона человек.

Нужно было действовать сразу по двум фронтам. И быстро.

Фронт первый: биологический. Они вызвали лучшего ветеринара Сансары, доктора Айрис, суровую женщину с руками скульптора и взглядом рентгена. Она осмотрела Мурзика, пока тот покорно лежал.

— Температура. Обезвоживание. Летаргия. Ничего критичного, но организму нужна помощь. Возможно, вирус, возможно, стресс от смены обстановки. Нужны анализы, капельница, особый уход. И самое главное — покой. Нужно везти его в мою клинику. Сейчас.

Фронт второй: философско-юридический. Катя, стиснув зубы, использовала аварийный протокол и собрала экстренный совет. Не в зале заседаний, а прямо у них в квартире, вокруг ноющего кота. Пришли: пожилой профессор права, специалист по цифровой этике; молодая женщина-нейрофизиолог, изучавшая сознание; и Димка как представитель «техносферы». Получился странный синедрион.

— Вопрос стоит так, — начала Катя. — «Регент» — это инструмент или правитель? Если Мурзик, как биологическое существо, болен и не может формировать «волю», имеет ли право алгоритм действовать от его имени? И если да, то кто тогда настоящий Мурзик I?

— С юридической точки зрения, — сказал профессор, поправляя пенсне, — цифровая личность и есть легитимный наследник. Болезнь тела не аннулирует права юридического лица. Но с моральной точки зрения...

— С точки зрения нейрофизиологии, — перебила учёная, — у кота нет «воли» в человеческом понимании. Есть набор инстинктов и привычек. «Регент» просто экстраполирует их на управление социумом. Болезнь искажает исходные данные. Алгоритм пытается решить уравнение с испорченными переменными и... даёт сбой.

— То есть, нужно «починить» переменную, — заключил Димка. — Вылечить кота. А системе дать... эталон для самопроверки.

Тем временем доктор Айрис готовила Мурзика к транспортировке в специальном контейнере. Она была невозмутима.

— Все эти ваши квантовые правительства... а проблема решается уколom глюкозы и хорошим сном. Мир сошёл с ума.

Операция по спасению власти началась. Пока Димка и Катя пытались стабилизировать «Регента», вводя в него данные о стандартных, здоровых кошачьих циклах, Лёня и Зоя мчались с доктором Айрис и контейнером в клинику на окраине города. Они проезжали мимо групп растерянных людей, собиравшихся у подъездов с чемоданами.

В клинике Мурзика быстро поставили капельницу. Доктор Айрис работала быстро и чисто. — Вот видите? Обычная история. Чуть перегрелся на своём троне, чуть недопил. Коты — существа привычки. Сломали ему график.

И тогда Лёню осенило. Привычка. Ритуал. Ключ не в великой «кошачьей воле», а в простых, понятных вещах.

— Доктор, — сказал он. — Ему нужно... чтобы всё было знакомо. Как у вас тут с кормом «Говядина в желе»?

— Сейчас не до гастрономических изысков, — фыркнула Айрис.

— Это не изыски. Это терапия.

Через час, когда капельница была снята, а Мурзик, ослабевший, но уже более живой, лежал на знакомой переносной лежанке, Лёня осторожно поставил перед ним открытую банку. Тот самый корм, пахнущий домом, безопасностью, временем, когда мир был проще.

Мурзик медленно, нехотя понюхал. Потом лизнул. Потом сделал ещё один, более уверенный глоток. И тогда с ним произошла магия. Из его горла вырвалось слабое, но безошибочное, громовое **МУРРРР**. Звук довольства. Звук возвращения к себе.

В этот самый момент Катя, наблюдая за экраном в квартире, увидела, как хаотичный поток

кодов в интерфейсе «Регента» вдруг замер, а затем стал выстраиваться в упорядоченные строки.

Из динамиков прозвучал чистый, уверенный голос:

«Противоречие разрешено. Первичный источник воли — биологический субъект. Его базовые паттерны восстановлены. Алгоритм — инструмент экстраполяции. Фальшивая директива идентифицирована как внешняя угроза и аннулирована. Рассылка опровержения... завершена. Рекомендация: для предотвращения будущих коллизий ввести в конституцию поправку о примате благополучия живого носителя над цифровой репрезентацией.»

На улицах города, на экранах, указ о дезинфекции погас, сменившись коротким сообщением: **«Распоряжение №0 отозвано как техническая ошибка. Приносим извинения за беспокойство. Продолжайте наслаждаться гармонией. Сиеста, как обычно, в 14:00.»**

Кризис миновал. Его разрешили не юристы и не философы, а банка дешёвого корма и мурлыканье выздоравливающего кота.

Вечером Мурзик, уже заметно оживившийся, сидел у себя на подушке и вылизывал лапу. Лёня смотрел на него.

— И кто же ты всё-таки? Король? Символ? Или просто кот, вокруг которого случайно выросла целая система?

Мурзик перестал вылизываться, поднял голову и посмотрел на Лёню своими янтарными глазами. В них не было ни мудрости правителя, ни тайны. Было лишь спокойное, полное удовлетворение от съеденной говядины в желе и предстоящего сна. И, возможно, это и был самый правильный ответ на все вопросы.

В глубине серверов «Регент», разрешив парадокс, внёс небольшую коррективу в свой код. Он научился различать «волю» и «базовое благополучие». И где-то в его алгоритмах зародилось первое, самое примитивное понимание того, что такое «забота». Но об этом пока никто не знал.

Глава 6: Наследие пушистого короля

Он ушёл тихо, во сне. Так, как и полагается существу, для которого сон был не просто отдыхом, а высшей формой философского и политического высказывания.

Мурзик прожил долгую, насыщенную и невероятно сытую жизнь. Последние годы он провёл не на подушке в операционном центре, а в Доме почётных отставников — специально построенной вилле с застеклённой верандой, выходящей на море, с бесконечными полками для лежания на солнце и автоматической кормушкой, выдававшей «Говядину в желе» по первому требовательному мявку. Он был не правителем, а скорее живым символом, талисманом, напоминанием.

Катя и Лёня оставались рядом. Они уже стали для Сансары кем-то вроде придворных летописцев или, как они сами шутили, «пожизненных дегустаторов корма». Лёня писал книгу о феномене «фелинизма» как социальной системы, а Катя помогала Зое и Димке совершенствовать «Регента», который давно эволюционировал из простого исполнителя в сложную систему анализа и предложений — «Оракул-Мяу». Он больше ничего не приказывал. Он лишь предлагал: «Данные показывают, что удлинение сиесты на 15 минут в пятницу повысит удовлетворённость на 2%. Рассмотреть?»

И вот, в одно утро, они нашли его. Он лежал в своей любимой позе — калачиком, носом подбитым под лапу, на том самом месте, где утреннее солнце рисовало на полу золотой квадрат. На его морде застыло выражение глубокого, абсолютного покоя.

В Сансаре не объявили траура. Объявили «День тихого воспоминания».

На главной площади, у подножия той самой первой общественной когтеточки (теперь уже исторического памятника), собрались люди. Не по приказу. По желанию. Пришли Зоя, теперь уже председатель совета городских инициатив, и Димка, главный архитектор цифрового пространства. Пришла доктор Айрис. Пришли те, кто помнил первые, нелепые указы, и те, кто родился уже при «кошачьем мире».

Лёня вышел к микрофону. Он смотрел на лица — спокойные, задумчивые, не испуганные. И понял, что главное чудо свершилось не тогда, когда кот получил власть, а потом, когда люди научились обходиться без правителя.

— Он не оставил завещания, — сказал Лёня, и его голос, к его удивлению, был твёрдым. — Потому что его воля никогда не была в приказах. Она была в паттернах. В простых вещах: есть, когда голоден; спать, когда устал; играть, когда весело; чесать спину, когда чешется. И оставлять других в покое, если они не делают тебе зла. Всё остальное — навороты.

Катя включила на большом экране последнее сообщение от «Оракула-Мяу», сформированное на основе анализа всех лет работы системы. Оно называлось **«Проект Хартии Разумной Лени (Черновик, основанный на наблюдаемых паттернах оптимального функционирования)»**.

В ней было несколько простых принципов:

1. **Право на покой.** Никто не должен оправдываться за необходимость отдыха. Работа существует для жизни, а не наоборот.
2. **Обязанность заботиться о среде.** Город должен быть удобным для всех, кто в нём живёт: и для людей, и для деревьев, и для бездомных котов. Уютное общество — продуктивное общество.
3. **Принцип «не навреди гармонии».** Прежде чем принимать закон, надо смоделировать его влияние не только на ВВП, но и на количество улыбок, качество сна и количество людей, идущих на работу с песней.
4. **Суверенитет личного пространства.** Каждый имеет право на свой солнечный квадрат на полу. Физически или метафорически.

— Мы не будем искать нового короля, — сказала Зоя, выходя вперёд. — И не будем возвращать старых министров. У нас есть эта хартия. И есть мы. Мы научились договариваться, слушать данные, ценить простые радости. Разве это не лучшее наследие?

В воздухе повисло молчание. А потом его нарушил не аплодисмент, а звук. Где-то с края площади старик, тот самый, что когда-то одним из первых испытал когтеточку, с громким удовольствием почесал спину о памятный столб. Звук был громким, скрипучим и бесконечно искренним. И он разорвал лёгкое напряжение. Люди заулыбались. Кто-то расслабленно потянулся.

На следующий день состоялось общее собрание — не парламент, а именно собрание жителей, через голографические порталы. Хартию, немного доработанную, приняли. Не как конституцию, а как «общественный договор о здравом смысле». «Оракул-Мяу» переименовали

в «Советника по гармонии» и оставили как инструмент для моделирования решений.

...

Через месяц Лёня и Катя стояли на палубе отходящего от сансарского берега катамарана. Они уезжали домой. Их миссия была завершена.

— Странно, — сказал Лёня, глядя на удаляющиеся, сверкающие на солнце очертания Калисты.
— Кажется, мы приехали в абсурдную диктатуру, а уезжаем из... самой здоровой страны, которую видели.

— Это потому, что диктатура была не кошачьей, — улыбнулась Катя. — Она была человеческой. Той, что была у нас в головах: «надо бежать, надо бороться, надо быть первым». А кот просто показал альтернативу. И люди, когда им дали шанс, её выбрали.

Они увозили с собой не награды, а банку пустой «Говядины в желе» (на память) и копию Хартии, напечатанную на бумаге, сделанной из переработанных когтеточек.

На прощание Димка подарил им доступ к особому чату. «Смотрите, — сказал он. — Просто смотрите».

Иногда, по вечерам, они заходили туда. Видели, как в Сансаре проходит «Фестиваль солнечных зайчиков». Как школьники всей улицей мастерят гигантскую интерактивную игрушку-мышку для приюта животных. Как совет граждан голосует не поднятием рук, а... почёсыванием затылка (за предложение) или потиранием переносицы (за сомнение). Это было смешно, трогательно и невероятно живо.

А однажды они увидели новый памятник, установленный на набережной. Это была не статуя кота. Это была бронзовая, отполированная до зеркального блеска, невероятно эргономичная **общественная когтеточка**. На табличке было написано: «В память об одной простой идее. Иногда чтобы изменить мир, достаточно вовремя почесать там, где чешется. Спасибо, Мурзик».

Лёня закрыл чат и посмотрел в окно. На их московском балконе, на том самом месте, где когда-то начиналась эта история, теперь грелся на последнем осеннем солнце новый жилец — подобранный с улицы рыжий котёнок. Он не был наследником престола. Он был просто котом. И в этом, возможно, и заключалась главная победа.

Цивилизация, которая учится мудрости у спящего на подушке животного, — не глупа. Она, возможно, только-только начинает становиться по-настоящему разумной. И первым её шагом стала не гонка вооружений, а всеобщая сиеста. И в этом была какая-то дивная, неопровержимая правота.